

Туман над озером Цинпин поначалу стлался едва заметной дымкой. Однако стоило на прогулочной барже вспыхнуть огням, как белесая пелена в самой середине заводи принялась стремительно густеть. словно струйки дыма, словно тончайший флёр, туман окутывал воду — зыбкий, таинственный, погружающий всё вокруг в безмолвие.

Сквозь эту молочную завесу слабый свет нижнего яруса судна казался зыбким, почти готовым раствориться в сонной глубине озера. Издали можно было различить лишь мягкое, размытое сияние, дарящее иллюзию тепла.

Но стоило барже скользнуть к середине заводи, как теплое мерцание фонарей сменилось холодным серебром. Теперь судно казалось призраком, без следа растворяющимся в ночи и клубах наплывающей испарины.

И вдруг сквозь мрак пробился ослепительный серебристо-белый луч. Прорезав мглу и разогнав пелену, он выхватил из темноты смотровую площадку второго яруса, превращенную в сцену.

И все увидели, что на окутанных туманом подмостках бесшумно возник человеческий силуэт.

На фоне непроницаемой ночи этот одинокий луч казался зыбким и узким; даже с ближайших лодок невозможно было разглядеть, что творится за пределами светового круга. Но в это мгновение именно та, что стояла в полосе серебряного сияния, сделалась средоточием всей вселенной озера Цинпин.

Белизна девичьего плеча, чуть приподнятые обнаженные руки, словно прижимающие к груди невидимый дар... Воздушные белые одежды, волны темных волос, струящиеся по спине, и разлившаяся окрест ночная мгла сообща создавали образ столь осязаемый и мощный, что у зрителей захватывало дух. На самой границе тени подол ее платья таял, точно потек туши на шелковом свитке, сливаясь с бесконечной тьмой.

Сы Вэй стоял на палубе, издали любясь этим зрелищем. Контраст цветов поражал резкостью, но при этом слияние черного и белого казалось невероятно гармоничным. Для него, человека, привыкшего видеть в фотографии лишь ремесло да способ заработать на кусок хлеба, это мгновение стало возвращением к истокам — к чистой эстетике света и тени.

Рассыпался звонкой, стремительной трелью янцзинь. Дева на сцене сделала первый шаг — ее движения завораживали пластикой. Она медленно повернулась, являя зрителям свое лицо, раскинула руки и плавным движением сбросила легкую, словно паутина, накидку.

В сиянии луча тончайший шелк, колышась в такт движениям Сюэсу, казался невесомыми крыльями бабочки, кружащей в ночной пустоте. Накидка то окутывала танцовщицу, то взмывала вслед за ней, напоминая клубящееся в воде облако туши — дикое, неуловимое, полное таинственной магии глухих лесов, где вечно клубится туман.

В этом танце сквозила первобытная, целомудренная грация. Даже те, кто не понимал

заложенного в него глубокого смысла, замирали в немом восторге, созерцая чистую красоту. То была эстетика недосказанности — куда более глубокая, чем пресловутая попытка прикрыться лютней наполовину.

Музыка зазвучала глуше, потекла неторопливо. Приглашенные музыканты затянули тихий напев, к которому вскоре начали присоединяться голоса с других лодок. Над озером Цинпин, перекаываясь эхом, поплыли древние строки:

— Коль явится кто на крутом склоне гор, укутанный плющом, подпоясанный лозой...

Эта песня и танец повествовали о лесной нимфе, искавшей встречи с горным божеством. Потерявшись в непроходимых кручах, она опоздала на свидание и теперь металась по чащобе в тщетных поисках, пока наконец, охваченная тоской, не растворилась в шуме проливного дождя.

Древнее предание обретало плоть. На сцене лесная дева, отчаявшись отыскать возлюбленного, покорно удалялась во мрак, и вместе с ее уходом серебряный луч беззвучно погас.

Лишь фонари на воде, скрытые легкой дымкой, постепенно вернули свое прежнее, теплое свечение, развеивая призрачное наваждение и возвращая зрителей из таинственных дебрей в земную реальность. И только недопетая мелодия вместе с затихающим хором голосов еще долго вилась над гладью озера.

Огни на барже окончательно погасли, и судно, покачиваясь на волнах, медленно заскользило к берегу, оставив за собой расходящиеся круги.

На палубе большого корабля Цинь Чжэн молча провожал взглядом удаляющуюся баржу. Наконец он медленно выдохнул.

«Когда я впервые увидел это зеркало в Башне Весенней реки, — подумал он, — мне пришло в голову, что если бы такая вещь могла собирать свет в ночи, то, установи мы ее на стенах крепостей Дали, нам были бы не страшны никакие ночные вылазки врага».

«Но вспомнив, сколько льда и зеркал потребовалось тогда ради одного представления, я решил, что дело слишком расточительное и хлопотное... Да и слепить врагов светом свечей казалось глупостью. Куда надежнее полагаться на ясную луну. Потому и расспрашивать не стал».

Цинь Чжэн вздохнул и осушил свой кубок до дна.

— Что ж, вынужден признать: я был слишком самонадеян.

Сюаньсяо прекрасно понял его мысль. Он взглянул на затянутое тучами небо, на котором не было ни намека на лунный диск.

— Господин, прикажете разыскать мастера?..

Цинь Чжэн кивнул:

— Ищи. Тихо. Найди, успокой и доставь в поместье принца. Нужно лично убедиться, на что способен этот человек. Если его зеркала действительно могут собирать и направлять свет вопреки любой непогоде... что ж, тогда его придется представить самому Его Величеству.

Он задумчиво провел пальцем по ободку кубка, оставив на коже красный след. Мыслями он был уже далеко отсюда.

«Если на границе появится такое оружие... пусть даже оно будет давать лишь смутный силуэт, как на этой сцене, этого хватит, чтобы дозорные вовремя заметили приближение варваров».

Тут его размышления прервал зычный окрик:

— Ваше Высочество!

Цинь Чжэн слегка приподнял бровь и обернулся. К нему, утирая пот с лоснящегося лица, спешил толстяк весом никак не меньше десяти пудов. Очевидно, гости на пиру наконец заметили отсутствие принца и бросились на поиски.

Это был сын местного префекта. Цинь Чжэн запомнил его по двум причинам: во-первых, из-за слухов, которые доходили до него по пути в уезд, а во-вторых — из-за его примечательного телосложения.

Принц взял со столика кувшин и неторопливо наполнил свой кубок.

— В чем дело? Есть новости? — его голос звучал ровно и бесстрастно.

Толстяк заискивающе ухмыльнулся, не спеша выкладывать истинную причину своего визита. Он поглядел в ту сторону, куда только что смотрел Цинь Чжэн, и понимающе поднял большой палец:

— Как вам танец, Ваше Высочество?

Цинь Чжэн усмехнулся и, пригубив вино, облокотился на колонну, небрежно кивнув в сторону баржи Башни Весенней реки:

— Недурно. Пожалуй, даже в столице редко встретишь девицу с таким мастерством.

Он вспомнил Цзиньли, которую Сяо И увез на юг, и добавил с легкой иронией:

— Не думал, что в этой глуши отыщется подобная жемчужина.

Префектский сынок довольно закивал, раскрасневшись от усердия, и потер пухлые ладони:

— И то верно! Только благодаря вашему визиту мы сподобились увидеть такое чудо. Вы ведь у нас человек новый, а рядом — ни одной преданной души, чтобы скрасить досуг... Коли приглянулась вам эта Сюэсу, так для нее самой это великое счастье. Да и танец... до чего хороша! Одежки тонюсенькие, а стан каков!..

Цинь Чжэн окинул толстяка холодным взглядом и отвернулся, процедив сквозь зубы:

— Воистину правду говорят: благородный муж во всем зрит добродетель, а ничтожный — лишь порок...

Допив вино, он качнулся, словно хмель окончательно ударил ему в голову:

— Сюаньсяо, уходим. Как вернется Сюаньцэ, отправь его в Башню Весенней реки. Пусть приведет... этого человека.

Оставив растерянного толстяка позади, Цинь Чжэн твердым шагом направился обратно в пиршественный зал. Там он собирался притвориться пьяным, чтобы избежать назойливых разговоров местных чиновников.

На террасе толстяк застыл в полнейшем недоумении. Он поскреб затылок:

— Это он меня сейчас благородным мужем назвал?

Стоявший позади слуга, едва сдерживая смех, поспешно опустил голову. Смысл фразы принца был прост: каков сам, то и видишь в других. Проще говоря, господина только что вежливо обозвали похотливым ничтожеством.

Однако префектский сынок уже вовсю радовался собственной догадке:

— Ну надо же! Отец вечно талдычит, что я только беды на его голову навлекаю. Какое там! Сам принц меня похвалил!

Он хлопнул в ладоши и прикрикнул на слугу:

— Чего стоишь? Бегом в Башню Весенней реки! Слышал, что Его Высочество сказал? Положил он глаз на эту Сюэсу, хочет к себе забрать. Живо бери серебро, лети туда и выкупи девку раньше, чем подсуеются люди принца. А как выкупишь — сразу вези к нему!

Слуга опешил:

— Но... господин, вы уверены?

Толстяк отвесил ему увесистый подзатыльник:

— Дубина! Разве такие важные птицы говорят напрямую? Он же мне тонко намекнул, проверяет мою сообразительность! «Ступай в Башню Весенней реки и приведи...» Кого еще приводить-то, кроме нее? На сегодняшнем празднике только Минъюэ из Башни Сбора Звёзд да Сюэсу из Башни Весенней реки стоящие девки. Не парней же ему вести!

Слуга наконец сообразил:

— Слушаюсь, господин! Всё исполню!

Проводив его взглядом, толстяк довольно погладил свой необъятный живот:

— И кто говорил, что к столичной знати не подобраться? Стоит девке шепнуть ему ласковое слово на подушке — глядишь, и дорожка вверх протоптана.

Напевая под нос, он вразвалочку вернулся в зал, где сразу же подсел к одной из девиц, позабыв о принце.

Сюэсу спустилась с баржи лишь четверть часа спустя. Она уже успела сбросить невесомые шелка, натянуть теплое платье и накинуть на плечи пушистую заячью шубейку.

На озере вовсю шло представление других заведений. Далекие огни скользили по воде, слепя глаза. Танцовщица подошла к корме, где стоял Сы Вэй, и слегка зажмурилась. Волосы ее были распущены и небрежно перехвачены сзади, тяжелая прядь спадала на грудь, а в причёске тускло поблескивала заколка в виде бабочки, покачиваясь в такт длинным серьгам-подвескам.

Ее томный, бархатистый голос сейчас звучал хрипловато:

— Что-то у меня голова кругом идет...

Сы Вэй оглянулся на нее и вытащил из укутанного одеялом свертка бамбуковый тубус:

— Не глупи. Держи, я еще с утра велел приготовить имбирный отвар. Перед выходом служитель борделя подержал его на углях, так что он еще горячий. Пей быстрее, зажурившись, и ступай в каюту под одеяло — пропотеть хорошенько надо. Выйдет пот — уйдет и простуда.

Сюэсу взяла тубус, но уходить не торопилась. Прижав теплое дерево к груди, она примостилась рядом с Сы Вэем на корме, укрывшись от пронизывающего ветра. Она смотрела с живым любопытством:

— И как только твоя голова всё это придумывает?.. И этот туман на озере — как ты его вызвал?

Сы Вэй невольно вздохнул:

— Зима на дворе, сейчас самое время для туманов. Да еще и солнце днем припекло. Завтра утром тут и так всё заволокло бы... Я просто заставил его подняться чуть раньше.

Для любого, кто хоть немного помнил физику, в этом явлении не было никакого чуда. Вода испаряется днем, а ночью, остывая, конденсируется. Учитывая огромную площадь озера, разницу температур и колоссальное количество льда, которое Сы Вэй велел сбросить в воду перед самым началом... В общем, природа всё сделала сама, ему оставалось лишь слегка ей помочь. Не сухой же лед ему было вручную прессовать. Такие вещи на коленке не делаются.

Поняв, что упрямую девицу не прогнать, Сы Вэй махнул рукой.

Для сегодняшнего Праздника прогулочных лодок он подготовил три номера. Выступление Сюэсу было самым простым в техническом плане: нужно было лишь добавить в лампы порошок никеля (в народе именовавшийся белой медью), чтобы изменить цвет пламени за счет химической реакции, да правильно рассчитать угол падения света. С остальным обученные люди справились без труда.

Что же касается белесой пелены, окутавшей воду... Для Сюэсу это стало приятным сюрпризом, но на самом деле туман предназначался для выходов Чуян и Минцзя. С каждым брошенным в воду куском льда дымка над озером становилась всё гуще.

Сы Вэй задумчиво прикусил сухую веточку, тоскуя по сигаретам:

— Это еще цветочки. Вот когда выйдет Чуян, придется опробовать лонжу.

— Ей-то это не обязательно, но она сама вызвалась. Заодно проверим всё перед выходом Минцзя.

Он не мог скрыть смутного беспокойства, точившего его изнутри.

В этом древнем мире не было ни современных кранов, ни стальных тросов, ни карабинов, ни высокоскоростных блоков. О специальном снаряжении для полетов оставалось только мечтать — всё приходилось собирать из подручных средств.

Ладно Чуюн — ей страховка нужна только на финал. А вот Минцзя придется парить в воздухе на протяжении всего выступления, выполняя при этом сложные кульбиты.

Один неверный шаг — и она сорвется. С местной медициной любое падение в ледяную воду или удар о палубу могли закончиться трагически. Теперь Сы Вэй даже немного жалел, что пошел на такой риск при подготовке ее номера.

— Всё обойдется, — тихо проговорила Сюэсу. Сделав глоток обжигающего отвара, она поморщилась от остроты имбиря, но все же положила руку ему на плечо.

Несмотря на легкую дрожь от холода, ее голос звучал удивительно спокойно и мягко:

— Ты ведь сотню раз объяснил им все опасности. Но они всё равно готовы расшибиться в лепешку. Знаешь почему?

— Потому что они прекрасно понимают: лучше рискнуть жизнью ради одного триумфа, который обеспечит им безбедное будущее на десять лет вперед, чем до конца дней оставаться неизвестными замарашками в борделе, забытыми всеми.

Сюэсу вздохнула, и ее голос стал еще глуше:

— У женщин, попавших в этот омут, нет иного пути. Приходится цепляться за малейшую возможность выжить. И сколько бы ты их ни отговаривал... ответ у них всегда будет один. Они не отступят ни на шаг.

<http://bllate.org/book/18280/1779238>